

Цифанова Ирина Владимировна

МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются материальные и духовные аспекты социальных изменений, вызвавших у современного человека острую потребность в поисках собственной идентичности. Аргументируется тезис о превращении в социальную и интеллектуальную технологию самого процесса взаимодействия исторического знания с социальными структурами, институтами и практиками в ходе формирования идентичности в обществах позднего модерна.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**THE ROLE OF SCIENTISTS AND ENGINEERS OF TOMSK AND NOVOSIBIRSK BRANCHES
OF THE ALL-UNION ENGINEERS ASSOCIATION IN SOLUTION TO THE PROBLEM
OF RAILWAY DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE 1920S**

Khromenkova Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in History
Omsk State Transport University
31tatyana75@mail.ru

The article describes the participation of railway intelligentsia of Siberian Branches of the All-Union Engineers Association in solution to the problem of the railway development of Siberia in the 1920s. The author characterizes scientists' views on the prospects of regional railway development. Special attention is paid to the problem of constructing railways in Tomsk region. The paper characterizes advisory and research activity of scientists and engineers of Siberian organizations, cooperation with planning organizations in the initial period of Ural-Kuznetsk project realization.

Key words and phrases: socialist modernization; GOELRO plan; Siberian Branches of the All-Union Engineers Association; Siberian Engineers Association; railway intelligentsia; scientists and engineers of railway transport; railway researches; Ural-Kuznetsk project.

УДК 111.18

Философские науки

В статье анализируются материальные и духовные аспекты социальных изменений, вызвавших у современного человека острую потребность в поисках собственной идентичности. Аргументируется тезис о превращении в социальную и интеллектуальную технологию самого процесса взаимодействия исторического знания с социальными структурами, институтами и практиками в ходе формирования идентичности в обществах позднего модерна.

Ключевые слова и фразы: социальная технология; личность; идентичность; современность; социальные структуры; социальная индивидуализация.

Цифанова Ирина Владимировна, к.и.н.

Ставропольский государственный педагогический институт
tsifanova@yandex.ru

**МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

В современном мире главными факторами, воздействующими на формирование идентичности, становятся особые условия и режимы функционирования индивидуального и коллективного сознания индивидов. Эти режимы и эти условия в содержательном плане порождаются необходимостью включения идентичности в некие целостные картины мира, объединяющие социальное пространство и историческое время в единый пространственно-временной универсум и в которых природа и история оказываются равнодействующими смысловыми образованиями. Существенно изменяет ситуацию также рост вариативности и интерпретативности исторического знания, что оказывается фактором индивидуализации и субъективизации процесса обретения идентичности. Получаемые историками факты всегда дополнялись интерпретациями и оценками исторического значения этих фактов.

Но только сегодня доля фактического снизилась настолько, что стала функцией радикально возросшей доли интерпретативного и оценочного знания. Современный человек становится вынужденным творцом своей идентичности, у него появляется возможность самому выбирать из разных альтернатив и самому нести ответственность за сделанный выбор. Однако параллельно с процессом роста свободы в выборе идентичности возрастает число центров информирования и влияния, предлагающих помощь в формировании идентичности.

Для аргументации данной позиции следует отметить, что изменения, произошедшие в качестве и содержании социальной жизни, а также в жизни отдельного человека, оказались очень глубокими и во многом непредсказуемыми. Вызванные научно-техническим прогрессом, модернизацией и глобализацией, эти изменения привели, среди прочего, и к значимым результатам в области идентичности, добавив в механизмы самоидентификации немало новых измерений. Прежде всего следует упомянуть изменения, связанные с переменами в науке, научном знании и режимах его функционирования в обществе. Пришедшие на смену архаичному мифу и научно-историческим повествованиям многочисленные описания и еще более многочисленные интерпретации исторических фактов существенным образом трансформировали испытанные способы обретения идентичности. Остались в прошлом иллюзии о простоте и прямоте исторической картины мира, а казавшиеся навсегда связанными в единое историческое целое факты вновь предстали как отдельные и разрозненные. История профессиональных историков всегда отличалась от истории политиков и идеологов, не говоря уж об истории, преподаваемой в средней школе.

Сегодня история профессиональных историков стала предметом интереса для множества разнообразных субъектов, каждый из которых вдруг ощутил возможность стать самостоятельным и даже независимым участником процесса формирования представлений о прошлом. Деятельность таких любителей оказалась скорее разрушительной, чем созидательной, но они оказались пригодны для использования разнообразными политическими силами для ведения информационных войн, реализации стратегии влияния на умы широких масс населения как в своем собственном обществе, так и в других странах. При этом обычные люди оказались в ситуации, когда самые разные исторические нарративы в равной степени могут быть отвергнуты и подвергнуты критике, и в конкурентной борьбе за их принятие используются самые разнообразные средства – от так называемого высокого искусства и популярной массовой культуры до экономики, языка, досуговых практик. Активно используются институциональные структуры и средства, которые позволяют тем, кто осуществляет контроль над ними, проводить нужную политику и влиять на выбор альтернативных интерпретаций исторических фактов.

Но и перед рядовыми гражданами, которые ранее воспринимали свою идентичность как данность, возникли не только неожиданные трудности, но и новые возможности. Некоторые из них в полной мере ощутили себя хозяевами собственной идентичности, понимая, что нет более той организации, которая смогла бы окончательно и бесповоротно сообщить им все исторические данные и, тем более, определить их идентичность, они начали сами выбирать из предлагаемых трактовок или же даже создавать собственные, авторские. И здесь проявилась довольно неожиданная возможность использовать многообразие исторических трактовок и вариативность исторического знания как способ посредством выбора идентичности определять собственное отношение к социальным структурам, порядкам действия, моральным устоям и политическим институтам того общества, членами которого являются указанные индивиды.

Главная особенность современной идентичности состоит в том, что она формируется в условиях постмодернистского сознания, то есть сознания, изначально существующего по иным законам, нежели законы сознания традиционного или сознания, соответствующего эпохе Нового времени. Но наступление новой эпохи все не означает, что все члены общества начинают мыслить иначе. Новое восприятие истории и, как следствие, новое отношение к историческим фактам, сведениям и повествованиям формировалось на протяжении всего XX века и к его концу привело к ситуации, которую иногда называют ситуацией расколотого или посттеоретического сознания. «В условиях доминирования посттеоретического мышления, – пишет В. И. Пржиленский, – на первый план выходят инструментальные, а не мировоззренческие функции понятия реальности, что и проявляется в активном развитии конструктивизма, который на самом деле является не столько альтернативой реализму, сколько сигналом к снятию дихотомии “реализм – антиреализм” в пользу решения частных задач, предполагающих оперирование схемами, фреймами и иными ментальными структурами» [6, с. 103-104].

Как индивидуальное, так и общественное сознание распалось на множество фрагментов. Но еще прежде чем оно разделилось на две части, они во многом оказались несовместимы. Как отмечает К. А. Свасьян, «человек искал объяснить себя либо через божественное, либо через животное, перемещаясь соответственно из теологии в зоологию, чтобы, в конце концов, быть забракотанным и в той, и в другой: как неудавшийся бог и как деградировавший зверь. Очевидным образом причины лежали в его неспособности мыслить единичное и индивидуальное не обобщенно, а как есть...» [7, с. 135].

Казалось бы, какое отношение имеет историческая самоидентификация к поискам сущностной идентичности, то есть к вопросам о природе человека. На самом деле процесс самоидентификации является фундаментальным, единым, комплексным и предельно сложным. Более того, сложность его все возрастает по мере того, как в его «естественное» протекание внедряются разнообразные социальные и политические технологии, манипуляции и т.п. Знаменитые слова Ивана Карамазова, которыми, по мнению большинства специалистов, Ф. М. Достоевский хотел кратко выразить его мировоззрение, подчеркивают масштабы интеллектуального и духовного сдвига, произошедшего в умах просвещенных европейцев. Эти слова звучат как приговор одной из важнейших этических максим христианства, как и всего авраамического монотеизма: «...уничтожьте, – говорит Иван, – в человечестве веру в своё бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено...» [3, с. 116].

Сегодня уже стало очевидным, что появление атеистических учений в средневековой, ренессансной и новоевропейской философии стало оказывать воздействие на широкие народные массы цивилизованных стран лишь в XIX веке. Спустя столетие стало сказываться влияние французских просветителей, но процесс этот выглядел драматически лишь в текстах интеллектуалов, потому что его влияние на общественную жизнь, на структуры и институты было косвенным и опосредованным. Но уже тогда вдумчивые умы стали видеть связь мировоззренческой революции и процесса самоидентификации. Хотя от вопроса «Что такое человек?» до вопроса «Кто я среди других людей?» дистанция определенного размера.

Но исчезновение Бога из картины мира было только первым шагом, хотя и важным – исчез тот, кто прежде считался творцом, причем не только творцом мира и человека, но и тем, кто наделяет людей идентичностью. Замена идеи личного Бога идеей безличной, слепой и законосообразной Природы лишила надделение идентичностью прежнего смысла, превратив ее в простую случайность. Верующий человек, будь то христианин, мусульманин или иудей, понимал творение своей души как акт, наполняемый смыслом лишь в контексте божественного замысла, предопределяющего личность к неким поступкам и свершениям. Сама жизнь обретала таким образом статус служения создателю, и идентичность воспринималась как часть божественного замысла. Но если из мира исчезает божественный замысел, то он превращается в слепую машину, которая в диалектике случайности и необходимости создает фон для понимания идентичности как случайного стечения обстоятельств. И тем самым, с неизбежностью, лишает идентичность своего сакрального значения.

Именно в этот период, то есть в конце XIX и в начале XX века, особый смысл придается понятиям мировоззрения и картины мира. Мировоззрение обязательно должно быть целостным, оно должно соединять картину мира и ценности. При этом картина мира распадается на две составляющие: мир как природу и мир как историю. Между этими двумя компонентами образуется множество разнообразных связей, и в различных философских концепциях наблюдается желание подчинить то историю природе, то природу истории. Идентичность человека в этих условиях всякий раз оказывается заложницей того варианта доминирования, который принят в данной концепции. И роль новых технологий, как и прежде, становится поистине решающей. Переход от племенной идентичности к идентичности гражданской протекал по тем же схемам, что и нынешнее преодоление модерна.

Для понимания одной из главных социальных причин, приведших к изменению механизма идентичности, необходим процесс социальной индивидуализации. Г. Маркузе, попавший под влияние психоаналитиков и марксистов, соединивший все это с мироощущением экзистенциализма, стал писать о социальной индивидуализации, обозначая этим термином процесс, характеризующий реакцию личности на совокупность внешних и внутренних изменений, связанных с построением индустриального, а затем и постиндустриального общества.

Выделяя специфику социально-философских идей Г. Маркузе из всего комплекса его рефлексии, следует поместить в центр понятие репрессивной цивилизации. По мнению немецкого исследователя, в самой человеческой культуре заложены репрессивные механизмы, которые в полной мере проявляются в индустриальном, а позднее – и в постиндустриальном обществе. И совсем в духе К. Маркса социальная сущность человека трактуется через потребности, которые в условиях капитализма оказываются ложными и сами выступают как причина одномерного мышления [5, с. 6].

Отечественные психологи и философы отнесли процесс индивидуализации к естественным процессам, сопровождающим формирование личности молодого человека. «Индивидуализация молодежи, – пишет А. С. Запесоцкий, – в рамках субкультуры (и ее носителя – общности) обеспечивается путем идентификации молодого человека с ее ценностями, отличающимися от норм и правил культуры “взрослых”. Нередко процесс индивидуализации принимает формы социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. Его результатом может стать хроническая маргинальность определенных слоев молодежи, т.е. пребывание в межролевом социальном пространстве» [4, с. 52].

З. Бауман развил идеи как психологов, так и философов, но применил их не для характеристики процесса, протекающего в обществе, а для осмысления нового качества, которое обрело общество. Английский социолог даже ввел понятие индивидуализированного общества, отрываясь от всех прежних дискуссий об экономической сущности социальных изменений. Не индустрия и не собственность на средства производства, а личность и ценности превращаются, по мысли З. Баумана, в базовый элемент, определяющий лицо социальной реальности, а также саму ее сущность.

Процесс рождения индивидуализированного общества теоретик связывает с концом «тяжелого модерна», символическая тяжесть которого выражалась в том новом ощущении единства, которое рождалось из невиданного прежде массового производства, требовавшего объединения усилий множества людей, выполнявших различные функции. С точки зрения управления, как и с точки зрения исполнения, задачи казались сложными и требовали ответственного отношения к делу, они нуждались в заинтересованном взаимодействии в рамках единой многоуровневой и чрезвычайно сложной системы.

Как отмечает З. Бауман, «менталитет, ориентированный на достижение “долгосрочных” целей, основан на ожиданиях, вытекающих из опыта, в полной мере подтверждающего, что судьбы людей, покупающих и, соответственно, продающих труд, будут тесно и неразрывно переплетены в дальнейшем, практически всегда, и поэтому выработка удовлетворительной модели сосуществования столь же отвечает общим интересам, как и переговоры о правилах добрососедства между домовладельцами в одном и том же поместье» [1, с. 46]. Неслучайно в этот период идентичность выполняет интегрирующую функцию и ее формирование тесно связано с пониманием истории, которая не разъединяет, а объединяет людей. Это вовсе не означает, что исторические описания доказывают единство происхождения всех работающих на фабрике и наличие у них общего прошлого. Просто идентичность человека эпохи индустриального модерна формируется в условиях осознания общего будущего. Прошлое интересно и ценно, но в нем разделяются особенное и общее, причем только общее имеет отношение к будущему – такова картина мира модерна, включающая, как уже отмечалось ранее, и картину мира как природы, и картину мира как истории.

З. Бауман задает вопрос о том, почему в эпоху потребления узы партнерства рассматриваются не как то, что нужно производить, а как то, что можно потреблять. Здесь следует добавить, что и идентичность также рассматривается в наше время в терминах потребления, а не производства: впервые появляются вопросы, какая именно идентичность оказывается более перспективной и даже более выгодной. Ведь идентичность можно сравнивать с билетом в будущее, одно прошлое оказывается более перспективным, чем другое, с точки зрения возможного будущего.

В еще более сильном виде данный тезис представлен в концепции Д. Гэлбрейта, согласно которому идентичность становится одним из главных мотиваторов к труду в постиндустриальную эпоху. Если в доиндустриальном обществе мотив деятельности рождался из принуждения, полагает Дж. Гэлбрейт, то в индустриальном мире главной причиной действий выступает стремление к прибыли, то есть к получению заработной платы [2, с. 112]. Новое индустриальное общество – это общество, где люди готовы прилагать усилия в меру осознания собственной идентичности и ради соответствия ей, а также по причине участия в процессе адаптации. Д. Гэлбрейт не принимает термина о постиндустриальном обществе, но разделяет тезис о том, что на смену классическому индустриальному обществу пришло новое, качественно отличное от первого. Если прежде машины заменяли ручной труд, то сегодня, следуя мысли американского теоретика,

замещению поддаются уже простейшие функции мозга, и разделение труда между человеком и машиной все сильнее касается сферы умственного труда.

«Приспособление и отождествление» – таков главный мотив деятельности, по Д. Гэлбрейту. Труд должен соответствовать совокупности представлений человека о себе, о своей собственной личности, о принадлежности к группе, классу, слою, субкультуре. А в условиях стремительного роста количества членов общества, задействованных в системе науки и образования, а также в сфере бизнеса, связанного со знанием, вопрос об идентификации ставится совершенно по-иному. Образованные люди не только знают историю, но и активно обсуждают проблемы исторического знания друг с другом. Образованные люди были всегда, но если прежде они составляли класс производителей знания, то сегодня сформирован класс потребителей. Этот класс является классом высокоуровневых потребителей, склонных к рефлексии. Именно для них создается сегодня специальный продукт – квазинаучные книги, в которых элементы научного исторического исследования умело смешиваются с тенденциозными оценками, идеологемами, квазинаучными рассуждениями, откровенной ложью.

М. Хайдеггер указал на сущностные черты Нового времени, среди которых наиболее важными представляются следующие: рождение современной науки, развитие машинной техники, рассмотрение искусства в горизонте эстетики, а человеческой деятельности – как культуры и, наконец, обезбожение. Именно тогда становится возможно то особое изображение мира, которое именуют картиной мира. М. Хайдеггер задается вопросами: «Что называется тут миром? Что значит картина? Мир выступает здесь как обозначение сущего в целом. Это имя не ограничено космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру» [8, с. 49].

В этой небольшой работе немецкого философа изложены сущностные черты той ситуации, которая привела к изменению идентичности. Ирония судьбы состоит в том, что все вышеописанные моменты относятся к эпохе Нового времени, а определяющим их воздействием становится только в настоящую эпоху, то есть в последние несколько десятилетий, которые можно скорее отнести к Новейшему времени.

Проведенное в исследовании сопоставление трех этапов развития общества с тремя типами обретения идентичности (предписания, формирования, игры) позволило выделить специфику современного протекания этого процесса, а также состояния общества или его социального строя в связи с наступившей ситуацией лабиринта идентичности. Противоречия и конфликты, рождаемые сосуществованием различных типов социальности, привели к гетерогенности и массовизации дискурса об идентичности, превратив последнюю в инструменты политического, идеологического и социально-технологического воздействия элит на массовое сознание. Противоречивое сосуществование разных форм обретения идентичности усугубляется внешними факторами: глобализацией, индивидуализацией, выходом на первый план идеалов и ценностей потребления и его доминирования над всеми остальными формами жизни, такими как гармония, реализация, творчество.

Провозглашение субъективности как особенности гуманитарного, в том числе и исторического познания создало совершенно уникальную ситуацию в области соотношения научного и повседневного знания, повысив роль и функции интерпретативной составляющей по сравнению с фактической. Но привлечение философско-герменевтических методов определения исторического значения событий предопределило рефлексивный характер отношения к идентичности в современном мире. А сами исторические события, которые всегда использовались для легитимации социальных структур, институтов политической власти и системы ценностей, теперь оказались предметом интерпретирующего и манипулирующего субъекта политического действия.

Можно сделать также вывод о том, что архаичные аграрные общества генерируют дискурсы идентичности, вписанные в локальные культурно-географические и квазиисторические контексты, в которых мифологическое повествование выполняет главную смыслообразующую функцию. Фантастические явления и процессы наделяют значением события повседневной жизни благодаря отождествлению буквального и символического, профанного и сакрального. Дискурс идентичности в обществах модерна сохраняет схему и механизм смыслообразования, удаляя все фантастическое и мифологическое, замещая его специально сформированным набором смыслов и значений, рождаемых историческим сознанием и исторической памятью, закрепляемых в соответствующей системе ценностей.

Сходство между функционированием исторического знания и исторической памяти в традиционных обществах и обществах модерна заключается в том, что область фактического рассматривается как сектор объективного знания, основанного на фактах, и лишь в сфере оценки и интерпретации возникает вариативность и субъективность. Сходны и механизмы легитимации социальных структур и институтов, несмотря на то, что в модернистском социальном порядке эти структуры и институты имеют также дополнительное обоснование посредством апелляции к «естественному свету разума», то есть к рациональности, а в традиционном обществе легитимность им придает одна лишь традиция.

Важно также учитывать, что специфика самоидентификации в обществе модерна связана с процессом включения индивида в некое повествование, опирающееся на авторитет классической науки, эффективно заменяющееся на авторитет мифа, церкви или традиции. Героические рассказы о событиях, имевших значение для выживания этноса или национальной общности, соединяются в обществах модерна в единый массив собранных и проверенных исторических фактов, служащих единым основанием для создания локальных повествований, предполагающих их соединение в некий единый рассказ (историческое описание) о развитии человечества, то есть единую историю мировой цивилизации.

Общества модерна отличаются от традиционных еще и тем, что забота об идентичности со стороны общества сменяется заботой со стороны государства. Традиционное общество содержит в себе институты в недифференцированном виде – семья, церковь, государство подчинены обществу и служат ему в деле надления

индивидов идентичностью. В национальных государствах обществ модерна государство заботится о содержании идентичности и мобилизует семью, образование, церковь на достижение нужных результатов в соответствии с выработанной стратегией.

В ходе исследования выявлены внешние факторы дискурса идентичности – трансформация институционального строя, системы ценностей и моделей управления, смена механизмов целеполагания и духовного производства. Внутренними факторами следует признать новые принципы и схемы познания, позволяющие отделить научное познание от мифа, литературы, искусства и религии. При этом идентичность оказывается своеобразным средством соединения семанτικο-исторического и социально-структурного измерений бытия человека.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ; Хранитель; Харвест, 2007. 510 с.
4. Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1996. 350 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ; Ермак, 2003. 528 с.
6. Пржиленский В. И. «Реальность»: социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 91-106.
7. Свасьян К. А. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 82 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

MATERIAL AND SPIRITUAL IN SEARCH OF IDENTITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tsifanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History
Stavropol State Pedagogical Institute
tsifanova@yandex.ru

The article analyzes material and spiritual aspects of social changes causing the modern human being to try desperately to find his identity. The author argues that the very process of interaction of historical knowledge with the social structures, institutions and practices when developing identity in late modernist societies becomes a social and intellectual technology.

Key words and phrases: social technology; personality; identity; modernity; social structures; social individualization.

УДК 101.1:316

Философские науки

В данной статье раскрыты взгляды на феномен коррупции Платона и Аристотеля – основных представителей классического (морального) подхода к социально-философскому осмыслению данного явления. Ключевой чертой взглядов указанных мыслителей обозначено понимание коррупции как явления, нарушающего общепринятые нормы справедливости, честности и добросовестности. Использование термина «коррупция» осуществлялось преимущественно для характеристики морально-нравственного состояния общества и господствовавшей в нем формы правления.

Ключевые слова и фразы: Платон; Аристотель; коррупция; мораль; справедливость; государство; управление; закон.

Цырендоржиева Дари Шойбоновна, д. филос. н., профессор
Лугавцов Константин Викторович
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
dari145@mail.ru; konstantin-21@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ
В ТРУДАХ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ**

Как известно, коррупция выступает одним из наиболее опасных факторов, деструктивно влияющих на состояние национальной безопасности государства. Она подрывает систему управления, подменяет формальные отношения неформальными и выстраивает стену недоверия между обществом и властью. Разрушительному воздействию подвергаются основы правового регулирования жизни общества. Как феномен общественной и государственной жизни, коррупция обладает повышенной степенью общественной опасности в сравнении с другими схожими элементами социальной действительности. Вместе с тем понятие коррупции, ее сущность, причины и условия возникновения и функционирования, сферы и масштабы проявления, негативные последствия и их оценка – все это по-разному оценивалось в различные периоды развития науки и практики.

Исторически первым в понимании коррупции является классический подход. Осмысление феномена коррупции начинается с формированием первых государственных образований и первых законодательных